

Глава 21

— Или, иначе говоря, ты снова бы подтолкнул А Юя вперёд?

Се Биньюй на мгновение застыл, глядя на Шэнь Сияня с удивлением и странным выражением лица. Спустя мгновение он испустил лёгкий вздох:

— Сяо Янь, ты...

— Сделали бы?

Вместо ответа Шэнь Сиянь продолжал настаивать.

— Да, — Се Биньюй наконец смирился.

— Думаю, я всё равно ушёл бы.

Никто не захочет оставаться в месте, где царит такое гнетущее давление.

Шэнь Сиянь несколько не удивился ответу Се Биньюя:

— Раз так, тогда не жалейте об этом.

С этими словами Шэнь Сиянь встал, отряхнул одежду, и его тон с выражением лица ничем не отличались от обычных:

— Пятый дядя, у меня тут срочные дела, я пойду.

Се Биньюй поднял голову, глядя на Шэнь Сияня против света, и не стал его удерживать:

— Хорошо.

Выйдя за ворота «Зелёного озера», Шэнь Сиянь наконец перестал притворяться. Он нахмурил брови, сжал губы в нитку, и наружу выплеснулась ярость, которую невозможно было скрыть — или, вернее, он просто не хотел её скрывать.

Бум.

Шэнь Сиянь захлопнул дверцу машины, сел обратно в автомобиль и уставился на неподвижно

застывшую, притихшую, словно мышь, сто шестнадцатую:

— Это тоже часть настроек романа?

Сто шестнадцатая, глядя на Шэнь Сияня в такой обвинительной позе, долго молчал.

— Я сказал — отвечай.

— Шэнь Сиянь постучал по центральной консоли.

— Ответь мне.

Сто шестнадцатая от испуга дёрнулся световым шаром, тёплый белый свет даже поблёк, и он, кряхтя, выдавил одно слово:

— [Да.]

Сто шестнадцатая срочно начал оправдываться:

— [Но... но этого требовал сюжет, и к тому же... если Се Сяньюй не пройдёт через бурю, как он увидит радугу...]

Шэнь Сиянь взмахнул рукой, прерывая сто шестнадцатую, и показал большой палец:

— Молодец.

Сто шестнадцатая:

— [....]

— Раз ты говоришь, что без бури радуги не видать, тогда скажи мне, какая радуга у Се Сяньюя? То, что в «погоне за женой через пожарище» он не может её догнать, или то, что бездарный автор прекратил писать, из-за чего финал Се Сяньюя остался в палате интенсивной терапии, между жизнью и смертью?

Сто шестнадцатая мгновенно потерял дар речи и лишь спустя долгое время сказал:

— [Но «погоня за женой через пожарище» у Се Сяньюя была его собственной виной, а последняя авария была его искуплением.]

— Не затыкай мне рот своей напыщенной риторикой.

— Шэнь Сиянь достал из отсека для хранения сигарету, зажёл её. В клубящемся дыму его лицо расплылось, и сто шестнадцатая мог слышать только голос Шэнь Сияня.

— Я уже говорил тебе раньше: у меня никогда не было принципов, я привык помогать своим, а не правым. А Юй — мой брат, мой друг, и что бы он ни делал, я поддержу.

— Я выполняю этот дурацкий квест на хэппи-энд только ради того, что А Юй нравится Су Тин, понял?

У Шэнь Сияня не было привычки курить. Эта сигарета, вероятно, осталась от Лу Синчэня, когда он в прошлый раз сидел в его машине. Он сделал всего две-три затяжки и потушил её. Дым рассеялся, и сто шестнадцатая увидел, как с лица Шэнь Сияня исчезла улыбка, и оно стало необычайно серьёзным и напряжённым.

Шэнь Сиянь не рассчитывал, что сто шестнадцатая, система в возрасте всего года, ответит ему. Закончив эту фразу, он высунул руку из окна, небрежно выбросил окурок и только потом поехал обратно в больницу.

Вернувшись в больницу, Шэнь Сиянь, не теряя времени, переоделся, вошёл в палату, затем в операционную. Разные дела закружили его в водовороте, не давая возможности отвлечься и дослушать рассказ Се Биньюя до конца.

В перерывах, когда выдавалось свободное время, Шэнь Сиянь всё ещё думал, что Се Сяньюй тоже не держит слова — ничего ему не рассказывает, всегда всё тащит на себе. Теперь, узнав эти дела, можно было легко объяснить, почему Се Сяньюй вдруг исчезал на какое-то время.

Он всё ещё помнил, как, когда учился, они с Лу Синчэнем любили вытворять всякие выходки, за которые можно было получить нагоняй, и каждый раз, по-братски, прихватывали с собой Се Сяньюя.

Се Сяньюй, хоть и не хотел, но всегда сопровождал их. Только вот после каждого такого дела он исчезал на два-три дня, и в семье Се за него всегда отдувался Се Вэй, говоря, что Се Сяньюй занят учёбой и ему неудобно и так далее.

Теперь, оглядываясь назад, он думал, какой же он был беспечным — ни капли не заметил.

В три часа дня Шэнь Сиянь припарковал машину у подножия старого особняка семьи Се.

Июньский ветер, словно в унисон происходящему, поднялся, тучи затянули небо, температура резко упала.

Шэнь Сиянь поднял голову, взглянул на затянутое тучами небо, размышляя, пойдёт ли дождь, но, не придя к выводу, повернул голову и посмотрел на ворота старого особняка, наполовину увитые ивами. Взгляд его был глубоким и многозначительным.

Долгое время Шэнь Сиянь медленно заговорил, глядя в пустоту:

— Тутун, в это время Се Сяньйю точно на работе. Как думаешь, я смогу найти в доме семьи Се тот самый изолятор, о котором говорил Се Биньйю?

Сто шестнадцатая не понимал, зачем Шэнь Сиянь это спрашивает, и ответил уклончиво:

— [Мм... возможно.]

Шэнь Сиянь и не надеялся, что сто шестнадцатая скажет что-то дельное. Он открыл дверцу машины и вошёл в дом семьи Се.

У Шэнь Сияня уже были догадки о расположении изолятора. Он уверенно поднялся по лестнице на второй этаж и целенаправленно направился к самой восточной стороне.

Шэнь Сиянь с детства много раз бывал в доме семьи Се. Нельзя сказать, что он знал каждый кирпич и каждую плитку, но он дошёл до того, что с закрытыми глазами не собьётся с пути.

Он мог описать расположение подвала старого особняка семьи Се, назначение каждой комнаты на первом и втором этажах, вплоть до мансарды. Однако была одна комната, в которую он никогда не заходил — самая восточная внутренняя комната на втором этаже.

Взгляд Шэнь Сияня упал на дверь. Он слегка нажал на ручку, пробуя повернуть её, и дверь неожиданно открылась.

Неизвестно, как давно не открывали эту комнату. Дверные створки, двигаясь, издали старческий скрип, словно они страдали от неизлечимой хронической болезни, или как звук костей старика, пытающегося встать с кровати, когда он уже на пороге смерти.

Подавляя нарастающий озноб, Шэнь Сиянь шагнул в изолятор.

В изоляторе царила полная тьма. Единственный свет, проникающий из двери, не мог разогнать её, оставаясь лишь на границе, словно естественный нож, разрезающий пространство на светлую и тёмную части. Шэнь Сияню пришлось включить фонарик телефона.

Прямой луч фонаря прорезал многолетнюю пыль. Шэнь Сиянь, терпя запах плесени, забивающий нос, продолжил идти внутрь.

С помощью света фонаря Шэнь Сиянь наконец разглядел всю картину этого изолятора.

Пятый дядя сказал, что это тюрьма. По мнению Шэнь Сияня, это было даже хуже тюрьмы, ведь в тюрьме хотя бы намного просторнее, чем этот изолятор, и заключённые могут выходить на прогулку, чтобы подышать свежим воздухом.

Взгляд Шэнь Сияня скользнул по висящим на стене различным плетям, затем по деревянному столу, забившемуся в угол, потом по железной кровати, которая была мала даже для одного человека и на которой не было ни одеяла, ни подушки, и наконец остановился на маленьком окне, наглухо замурованном цементом.

Беспросветная тьма.

Действительно беспросветная тьма.

Грудь сдавило слишком сильно, стало тяжело и душно. Огромный ком мокрой ваты давил на сердце, застревал в горле.

Это чувство было слишком странным. Шэнь Сиянь не мог сказать, чем оно было вызвано — может быть, спёртым воздухом в изоляторе, может быть, чем-то другим.

Шэнь Сиянь не хотел больше думать об этом, да и не мог вдумываться. Он хотел только уйти отсюда.

Он прикусил язык, готовясь бежать, и в движении заметил под деревянным столом напротив уголок, похожий на дневник. Шэнь Сиянь сделал несколько шагов вперёд, нагнулся и вытащил его.

Дневник был в кожаном переплёте, внешняя обложка сохранилась хорошо, но внутри страницы выцвели и пожелтели.

Шэнь Сиянь, привыкший не обременять себя моральными принципами, и не думал уважать чужую частную жизнь. Он ловко открыл дневник.

XX год, 28 марта.Первое место.

XX год, 2 мая.Первое место.

XX год, 28 июля.Второе место.Боль.

XX год, 1 октября.Первое место.

XX год, 24 декабря.Первое место.

XX год, 3 апреля.Третье место.Очень больно.

XX год, 4 апреля.Проснулся от боли.

...

Подушечка пальца Шэнь Сияня застыла на этой странице, вдавившись в слово «боль», яростно впиваясь в него взглядом, словно не успокоится, пока не просверлит её насквозь.

Это и есть та буря, которую, по словам сто шестнадцатой, должен пережить главный герой?

Шэнь Сиянь не знал, кто создал этот мир, но, если бы мог, он очень, очень хотел бы как следует спросить у того, кто номинально считается автором, хорошенько спросить: почему главный герой должен пройти через всё это? Неужели только для того, чтобы заложить основу для будущего фальшивого искупления?

Сто шестнадцатая, видя, что Шэнь Сиянь долго не двигается, тихо окликнул его:

— [Хозяин...]

Шэнь Сиянь внезапно вынырнул из пучины эмоций, машинально закрыл дневник. Неутихшие чувства, словно тёмная туча, нависали над ним, и как раз в этот момент поступил звонок.

У Шэнь Сияня не было настроения разговаривать с кем-либо, он хотел сбросить вызов, но, заметив, что звонит Су Тин, сдержался и ответил.

— Доктор Шэнь, директор Се у вас?

— голос Су Тин ворвался торопливо.

Шэнь Сиянь нахмурился, и в нём мгновенно возникло дурное предчувствие:

— Его у меня нет. Что-то случилось?

— Директор... директор Се неизвестно куда пропал.

Сердце Шэнь Сияня, и без того беспокойное, снова подпрыгнуло. Он забыл даже утешить Су Тин на том конце:

— В чём дело? Как А Юй мог пропасть?

Су Тин была как на раскалённых углях:

— В полдень директор Се сам сел за руль и уехал, даже водителя не взял. Мы с помощником Линем подумали, что это личные дела директора Се. Кто же знал, что прошёл уже весь день, а директор Се до сих пор не вернулся, и связаться с ним по телефону и другим средствам связи невозможно. К тому же у директора Се в половине четвёртого тендер, который нельзя откладывать.

На лбу Шэнь Сияня пролегла глубокая складка. Возникло чувство, будто он уже где-то это видел. Когда он завершал разговор, как раз пришло уведомление о приближающемся тайфуне, и зрачки его мгновенно сузились.

Чёртовы настройки романа. Чёртов сюжет.

Шэнь Сияню было не до остального. Он перешагивал через три ступеньки, спускаясь вниз, и на ходу сказал:

— Су Тин, сначала успокойся. Тендер идёт как обычно. Подготовь все документы по этому тендеру, отвези их в клуб «Крыло мира» и передай Лу Синчэню, объясни ситуацию. Он сам поймёт. Что касается А Юя, не волнуйся, предоставь это мне.

Рука Шэнь Сияня, сжимавшая телефон, напряглась, телефон врезался в ладонь, причиняя боль, но он сохранял спокойствие:

— Поняла?

— По... поняла.

Получив подтверждение, Шэнь Сиянь немедленно повесил трубку, быстро сел в машину и уехал из дома семьи Се, направляясь на стройплощадку — искать пропавшего без вести.

В книге «В плену вечной любви» есть два типичных эпизода спасения героя красавицей. Первый — поломка лифта, где Су Тин обнаружила клаустрофобию Се Сяньюя. Второй — тайфун, когда они оба оказались заблокированы на стройке, и Су Тин молча просидела с Се Сяньюем всю ночь.

Оба этих сюжетных момента были ключевыми для того, чтобы Се Сяньюй полюбил Су Тин, и для стремительного развития их отношений. Но и поломка лифта, и заточение во время тайфуна — все без исключения основывались на кровавых ранах и травмах Се Сяньюя из прошлого, служили их фундаментом.

Се Сяньюя вынуждали снова раздирать едва зажившую кожу, прикрываясь флагом любви и искупления, используя самые сильные и едкие лекарства.

Согласно развитию оригинала, этот сюжет должен был произойти через полмесяца, и у Шэнь Сияня было достаточно времени, чтобы решить — следовать ему или избежать. Но, не успев сделать следующий шаг, этот сюжет уже случился.

Шэнь Сиянь не знал, изменил ли он что-то незримо, из-за чего сюжет наступил раньше.

Он только надеялся, что Се Сяньюй не настолько любит свою работу и, увидев новость о приближении тайфуна, немедленно покинет стройку.

Ветер за окном становился всё сильнее, с шумом трепал придорожные деревья по обе стороны. Мелкие камни, опавшие листья, комья земли... всё поднималось ветром. Пыль и туман расплывались в воздухе, скрывая большую часть видимости.

Время шло минута за минутой. Ветер снаружи усиливался, деревья раскачивались так, словно вот-вот упадут, их почти вырывало с корнем. Магазины на улицах один за другим закрывались, прекращая работу.

Всю дорогу Шэнь Сиянь проехал на красный свет не один раз. Одной рукой он крепко держал руль, глядя перед собой на лобовое стекло, заляпанное слоем песка. Другой рукой он каждые пять минут набирал номер Се Сяньюя.

Сейчас Шэнь Сиянь испытывал только сожаление. Ему не стоило так рано уезжать. Если бы он остался в доме семьи Се, то был бы в курсе всех передвижений Се Сяньюя и не упустил бы тот факт, что Се Сяньюй отправился на стройку, и не пропустил бы момент, когда сюжет наступил раньше...

<http://bllate.org/book/16107/2087663>